

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Чжан Шаопин
**«Традиции А. П. Чехова в современной русской литературе
(конец XX – начало XXI века)»**

Специальность 10.01.01. – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2018

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Научный руководитель:

Катаев Владимир Борисович
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Смирнова Альфия Исламовна
доктор филологических наук, профессор
Московский городской педагогический
университет (ГАОУ ВО МГПУ),
заведующая кафедрой
русской литературы

Брызгалова Елена Николаевна
доктор филологических наук, профессор
Тверской Государственный Университет,
заведующая кафедрой журналистики,
рекламы и связей с общественностью

Доманский Юрий Викторович
доктор филологических наук, профессор
Российский государственный
гуманитарный университет (РГГУ)
Институт филологии и истории,
профессор кафедры теоретической и
исторической поэтики

Защита состоится «29» марта 2018 года в 16:00 часов на заседании диссертационного совета МГУ.10.05 Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д.1, стр. 51 1-й учебный корпус МГУ им. Ломоносова, филологический факультет.
E-mail: lab.ruslit@gmail.com

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на сайте ИАС «ИСТИНА»: <http://istina.msu.ru/dissertations/98055217/>.

Автореферат разослан «___» _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

О. С. Октябрьская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Антон Павлович Чехов – один из самых читаемых во всем мире и признанных человечеством писателей современности. Универсальность чеховского наследия привлекает не одно поколение знаменитых исследователей. Одним из направлений исследования чеховского наследия является поиск преемственности по отношению к его произведениям в творчестве современных российских писателей. Данной теме исследования и посвящена эта работа.

Методологической и теоретической базой работы явились научные труды известных исследователей-чеховедов: В. Б. Катаева, З. С. Паперного, Э. А. Полоцкой, А. П. Чудакова, а также исследования О. В. Богдановой, М. Н. Липовецкого, Е. В. Михиной, Е. Н. Петуховой, Н. А. Фатеевой, посвященные рассмотрению теории интертекстуальности и ее практическому воплощению в литературных трудах современных российских писателей. Особенно важны монографии В. Б. Катаева «Игра в осколки. Судьбы русской классики в эпоху постмодернизма» [Катаев 2002] и Е. Н. Петуховой «Притяжение Чехова: Чехов и русская литература конца XX века» [Петухова 2005], содержащие наиболее полный, на наш взгляд, анализ тенденций развития современной русской литературы последних десятилетий в свете влияния чеховского наследия. В значительной степени осуществлению данного исследования помогли многочисленные статьи, интервью и рецензии, посвященные анализу произведений современных российских авторов [см., например, Адамович 2001, Карев 2015, Ключкина 2008, Рубина, 1999, 2012, 2014, Чупринин 1984, Шафранская и др.]; проза Л. Улицкой в контексте постмодернизма и чеховских рецепций подробно рассматривается в следующих работах: [Буровцева 2010, Егорова 2007, Лейдерман 2003, Нефагина 2005, Сизых 2017 и др.]; вопросы интерпретации Чехова в произведениях Л. Петрушевской в работах [Васильева 2011, Кучина 2004, Сорокина 2005 и др.]; особенности творчества В. Пелевина исследовали [Зарубина 2007, Нечепуренко 2012 и др.]; анализ межтекстовых связей творчества Чехова и Бориса Акунина содержится в работах [Давтян 2001, Надозирная 2011, Нетесова 2003, Савельева 2002, Шамина, Штруба 2012 и др.], исследование драматургии Н. Искренко в статьях [Багдасарян 2013, Лившина 2009 и др.]. Указанные и другие работы составили аналитическую базу данного исследования.

Актуальность и научный интерес к проблематике данной работы базируется как на универсальности и всевременном характере произведений Чехова, так и созвучности его мыслеобраза современному мировосприятию если не большинства населения России, то, по крайней мере, чутко улавливающих социальные перемены деятелей культуры – художников, драматургов, писателей, журналистов. Возможно, именно поэтому А. П.

Чехов чаще других классиков упоминается в современных произведениях и присутствует во многих из них в форме многочисленных ремейков, аллюзий, цитаций и т.п.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в поиске присутствия традиций А. П. Чехова в произведениях современных литераторов, творчество которых еще было мало исследовано в данном аспекте, а также в определении причин обращения современных писателей к наследию классика. Тема преемственности традиций в современной литературе – еще недостаточно разработанное и изученное направление, отчасти из-за того, что процесс исследования идет параллельно с процессом создания новых литературных произведений, а критика творчества современных писателей большей частью представлена статьями в газетах и журналах. Только в работах некоторых ученых можно встретить глубокий анализ связи чеховского наследия и творчества современных литераторов с учетом внешних и внутренних изменений, которые претерпело российское общество за последние несколько десятилетий (С. С. Васильева, Г. Я. Вербицкая, Т. Г. Кучина, Н. В. Лесных, В. В. Макарова, Е. В. Михина, Е. Н. Петухова и др.)

Научно-практическая значимость исследования заключается в разработке вопроса о преемственности творческого наследия А. П. Чехова в современной русской литературе, в анализе характера и специфики данного культурного взаимодействия, в попытке по-новому взглянуть на литературные связи произведений современных писателей, представляющих направление постмодернизма (В. Пелевин, Л. Улицкая и др.) и реализма (Д. Рубина, Р. Сенчин и др.), и творчества известного классика. Результаты работы могут быть использованы в дальнейших исследованиях, связанных с поиском присутствия чеховских традиций в современной литературе, а также в практике школьного и вузовского преподавания в рамках курса истории русской литературы XX–XXI вв. и спецкурсах, посвященных литературе постмодернизма в России в конце XX – начале XXI вв.

Объектом исследования являются литературные традиции, заложенные А. П. Чеховым и получившие свое развитие в произведениях современного поколения российских писателей.

Предметом исследования является русская литература современного периода (90-е гг. XX в. – 2010-е гг. XXI в.), в произведениях которой наблюдается обращение к творчеству А. П. Чехова. Признаки присутствия чеховских традиций выявлялись в произведениях В. Аксенова, Б. Акунина, Ю. Буйды, Э. Дрейцера, Н. Искренко, Н. Коляды, К. Костенко, Ю. Кувалдина, В. Пелевина, Л. Петрушевской, В. Пьецуха, Л. Разумовской, В. Распутина, Д. Рубиной, Р. Сенчина, А. Слаповского, С. Солоуха, В. Сорокина, В.

Токаревой, Т. Толстой, Л. Улицкой, М. Шанина и других авторов. Также в работе задействованы материалы интервью с этими писателями, автобиографических очерков, заметок критиков и публицистов.

Целью данной работы является исследование влияния творческого наследия А. П. Чехова на современных русских писателей и поиск чеховских традиций в произведениях русской литературы конца XX – начала XXI вв.

В качестве основных **задач** работы были выделены следующие:

- 1) выявление круга современных российских писателей, обращающихся в своих произведениях к творческому наследию А. П. Чехова;
- 2) анализ выбранных произведений, выявление мотивов обращения современных писателей к творчеству А. П. Чехова;
- 3) изучение и описание характера обращений к творчеству А. П. Чехова в произведениях современных писателей, выяснение причин преобладания определенных форм заимствований (пастиши, ремейки), выявление связей между использованием заимствований из чеховских произведений и особенностями постмодернизма;
- 4) расширение круга работ современных писателей, в творчестве которых могут содержаться типологические признаки сходства с творчеством Чехова, за счет включения в исследование произведений представителей постреалистов и реалистов;
- 5) определение степени влияния творчества А. П. Чехова на современную русскую литературу, выявление литературных традиций, получивших развитие в творчестве современных российских писателей.

Выводы, к которым мы пришли по окончании анализа, были сформулированы в следующих **положениях, выносимых на защиту**:

1. Современная русская литература конца XX – начала XXI веков, которая переживает период своеобразной эклектики стилей, смешения реализма, неореализма и постмодернизма, содержит много аллюзивных связей с классической литературой, в частности с творчеством А. П. Чехова. Обращение к творческому наследию классика во многом обусловлено интересом современных авторов к реалистичному изображению в малых литературных жанрах повседневной жизни простых людей, их взаимоотношений в активно меняющемся мире на сломе эпох.
2. Характер обращений к творчеству А. П. Чехова вступает в противоречие с представлением о понятии «традиция», которое предполагает бережное и уважительное отношение к наследию прошлого, осознание его как эталона и примера для подражания. Обращение современных писателей к наследию классической литературы (любой, не обязательно чеховской) под влиянием постмодернизма в общей массе носит

прагматичный, экспериментаторский и иногда деконструктивный характер, например, в творчестве В. Сорокина и Э. Дрейцера.

3. Конструктивное использование элементов чеховского стиля реализуется в нескольких формах:

– во-первых, в форме неявной аллюзивности, путем заимствования мотивов, некоторых характеристик героев, цитации и других деталей. Современных писателей: Д. Рубину, Ю. Буйду, В. Пьецуха – можно условно назвать преемниками основных элементов авторского чеховского стиля: для них характерно тяготение к малым литературным жанрам, «безличные» формы выражения авторской позиции, интерес к жизни простых людей, к их проблемам и душевным «болезням», характерным для всего российского общества;

– во-вторых, конструктивное использование чеховского интертекста реализуется в форме реконструкции претекста, результатом которой становится полное изменение его первоначального замысла, доходящее порой до абсурда. Современные писатели: Б. Акунин, Н. Искренко, Л. Петрушевская, А. Слаповский, Л. Улицкая – создают узнаваемо чеховские произведения, с точки зрения особенностей драматургического конфликта, выбора персонажей, организации художественного пространства, в котором разворачивается действие, выбора названий, при этом авторы демонстрируют постмодернистскую игру с чеховским претекстом, существенно деформируя его. Однако конструкторско-экспериментаторский характер обращения с литературным наследием Чехова не означает отрицания его авторитета и вклада в развитие русской литературы. Напротив, сами авторы в интервью признают, насколько Антон Павлович повлиял на их становление как писателей. При этом они сознательно применяют постмодернистские приемы к классическим претекстам, с одной стороны, реализуя свой замысел произведения, а с другой – демонстрируя глубину творчества А. П. Чехова (например, акунинская интерпретация «Чайки» удивляет тщательной проработкой характеров и взаимодействия персонажей) и, даже можно сказать, популяризируют его творчество на современном этапе развития общества, когда интерес к классическому наследию снижается.

4. Произведения постмодернистов могут не иметь прямых аллюзий на чеховский претекст, но при анализе глубинных пластов произведений демонстрировать интертекстуальные связи на уровне мировоззрения, мироощущения современных писателей и классика, поднимаемых ими в своих произведениях социальных и нравственных проблем, выборе главных героев, стиля. Мы установили наличие некоторых типологических связей между произведениями А. П. Чехова и В. Пелевина, выявленных, в

частности, на основании ряда характеристик творчества обоих писателей. К ним относятся остросоциальная направленность произведений, усредненный типаж описываемых персонажей, отсутствие выраженной авторской позиции, одинаковый взгляд на понимание таких категорий, как истина и правда («у каждого своя маленькая правда»), гуманистическая вера в возможность духовной трансформации героя, ироничный стиль повествования, свойственное обоим использование абсурда как языковой игры и иных проявлений юмора, метких определений, которые стали афоризмами.

5. В целом, характер конструктивных обращений к творчеству А. П. Чехова выявляет особенности современной литературной эпохи: в настоящее время в литературном пространстве мало текстов, авторы которых по стилю и идейной, духовной направленности своего творчества действительно стремятся быть достойными преемниками и продолжателями чеховских традиций. Однако одновременно с этим, литературные произведения наводнены выдержками из чеховских произведений, аллюзиями и цитациями, что свидетельствует о непрекращающемся интересе читательской и писательской аудитории к творчеству классика.

Апробация работы. Промежуточные результаты данного исследования были апробированы в докладе на VIII Международной научно-практической конференции "Молодые исследователи Чехова" (Москва, 25-28 мая 2015 г.), выступлениях на аспирантском объединении и Ломоносовских чтениях, а также опубликованы в журналах ВАК «Научное обозрение: гуманитарные исследования», «Научный диалог», «Филологические науки. Вопросы теории и практики», «Филологические науки. Научные доклады высшей школы». По теме опубликовано 4 научные работы.

Структура работы соответствует логике исследования и состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дается определение терминам «современная литература», «традиция», которые являются основополагающими для данной работы; определяется актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы. Определяется область исследования – произведения российских писателей, написанные в период от 90-х годов XX века по настоящее время, предмет и объект исследования; формулируются цель и задачи работы, кратко характеризуется методологическая база и приводятся положения, выносимые на защиту.

Первая глава посвящена общему обзору постмодернизма как течения в мировой и русской литературе, его характерных черт и влияния на творчество современных русских писателей, характера и примеров их обращений к литературному наследию А. П. Чехова.

В первой части главы рассматривалась сама природа постмодерна как культурного феномена, охватившего политическую, этическую, эстетическую и культурную сферы жизни. На рубеже XX - XXI веков постмодерн стал попыткой переосмысления роли человечества на новом эволюционном этапе своего развития, в эпоху бурного роста экономики, стремительной компьютеризации и глобализации, изменения стиля жизни и восприятия современного мира. Теоретической базой нового явления стала философия ницшеанства и постструктурализм, труды таких исследователей, как Ж. Деррида, М. Фуко, Ж. Лакан, Ж. Делез, М. Бахтин, Ж. Бодрийяр, Р. Барт, Ю. Кристева и ряд других исследователей.

Для постмодернизма как мировоззренческого явления в целом и отдельного вида литературного течения свойственны следующие черты:

- признание относительности всех ценностей,
- отказ от личного видения в пользу множественных точек зрения,
- парадоксальность и стремление к игре со словами, мифами общественного сознания,
- тяготение к пародиям, стилизации, пастишам, ремейкам (эти общие приемы, используемые в литературе, в творчестве постмодернистов приобретают необычайную популярность),
- создание текстов, имеющих множество независимых смыслов,
- восприятие текста как основного пространства (остальной мир для постмодернистов вторичен),
- восприятие мира как хаоса и, как следствие этого, фрагментарность произведений,
- скептическое отношение к любым авторитетам и, как следствие, их ироническая трактовка.

Одним из основных постулатов постмодернизма стала мысль об исчерпанности творческого потенциала человечества, из чего вытекала мысль о том, что современный писатель является просто копировальщиком текстов ушедших эпох, передающим старые истины на новый лад. Литературное поле, по мнению Барта, Фуко, Лакана и Дерриды, представляет собой особое многомерное пространство, созданное из различных видов цитат, писем, текстов, содержащихся в тысячах разных источников, которые, в свою очередь, копируют или переписывают с дополнениями другие источники, и так — до

бесконечности. Такое восприятие процесса создания художественных текстов было дополнено предложенным Ю. Кристевой понятием «интертекстуальности» - межтекстовых (от лат. *inter* - между) связей, благодаря которым тексты могут содержать явные или неявные ссылки друг на друга. Роль классики при этом тоже нивелируется и обесценивается – она становится предметом для творческих экспериментов. Более того, в теории постмодернизма не предусмотрено движения вперед, какого-либо эволюционного движения – таким образом, это застывшая в своем особом многомерном представлении система.

В русскую литературу постмодернизм проник в 60-х годах XX в., однако широкое распространение в России он получил в 80-х и 90-х годах, в период «перестройки». Для того времени популярность нового направления была обусловлена, с одной стороны, поиском новаторских идей и жадой творческих экспериментов в перестроечные годы, с другой – надолго поселившимся в общественном сознании пессимистичного настроения, ставшим «ответом» на результаты социально-экономических реформ. Исследователи русского постмодернизма - М. Липовецкий, Н. Лейдерман, В. Курицын, И. Скоропанова и другие отмечают его значительное влияние на современную российскую прозу и творчество большинства известных российских писателей. Характерной чертой русского постмодернизма считается размытие между стилями и проникновение элементов постмодернизма даже в творчество тех авторов, которые традиционно писали в стиле реализма и постреализма.

Во **второй части** главы приводятся примеры обращения современных писателей разных стилевых направлений, ощутивших, тем не менее, влияние постмодернизма, к творчеству Чехова. Одним из базовых признаков определения интертекстуальности было решено считать любое упоминание о Чехове, его литературном образе, его произведениях, творчестве в целом.

Среди отобранных и проанализированных произведений встречаются как произведения, имеющие ярко узнаваемую «чеховскую» тематику – когда сюжет, герои трансформируются писателем с целью придания им нового смысла, так и те, которые содержат лишь небольшие упоминания «вскользь» - через определённые детали, персоналии, явно или неявно соотносимые в читательском сознании с творчеством А. П. Чехова. В силу осознания необходимости классификации данных произведений по выделенным признакам, мы обратились к двум из ныне существующих. Первая принадлежит литературоведу А. А. Щербаковой¹, предложившей следующую градацию:

¹ Щербакова А. А. Чеховский текст в современной драматургии / Диссертация на соискание уч. степени канд. филол. наук – Тверь, 2006.

1. Негация – отрицание, деконструкция чеховских мотивов (В. Соловьев, К. Костенко и др.);
2. Продолжение – ремейки и сиквелы как попытки дописать чеховские произведения (А. Слаповский, Б. Акунин, В. Леванов);
3. Редукция – упрощение смыслового подтекста (Н. Коляда, А. Зензинов, В. Забалуев и др.).

Еще одна классификация была предложена В. Б. Катаевым²:

1. тексты, в которых фигурирует Антон Павлович как личность и литературный классик (В. Сорокин «Юбилей», К. Костенко «Чайка» Чехова (remix)), Н. Псурцев «Голодные призраки: Война и мир по Нехову»);
2. тексты, представляющие собой продолжения и переделки чеховских произведений: пастиши, ремейки (Б. Акунин «Чайка», Л. Улицкая «Русское варенье», М. Гаврилова «Три сестры и дядя Ваня», Н. Джин «Повесть о любви и суете» и др.);
3. самостоятельные произведения авторов-постмодернистов, не ставящие целью дописать или переписать Чехова, но содержащие отдельные чеховские цитаты и реминисценции (В. Пелевин «Жизнь насекомых», Д. Пригов «Три Юлии» и проч.)

В своей работе мы решили воспользоваться классификацией В. Б. Катаева, в соответствии с чем посвятили вторую часть диссертационной работы произведениям русских писателей, представляющим собой «продолжения» чеховских; а третью – содержащим косвенные, неявные аллюзии на творчество известного классика. Также мы дали определения основных научных понятий, используемых в данной работе: интертекстуальность, аллюзия, реминисценция, ремейк.

Во **второй главе** нами были рассмотрены произведения Л. Улицкой, Б. Акунина, Т. Толстой, В. Сорокина, Л. Петрушевской, С. Солоуха, Ю. Буйды, К. Костенко и некоторых других, написанные под явным влиянием чеховского наследия и носящие признаки его «переделок» и «продолжения».

В **первой части** анализируются произведения В. Сорокина («Юбилей», «Настя», «Роман», «Голубое сало») и К. Костенко («Чайка» Чехова (remix)), в текстах которых наличествуют явные признаки деканонизации чеховских произведений и личности самого писателя. Данные произведения представляют собой постмодернистскую переделку чеховского претекста: чеховские отдельные фразы, образы и аллюзии на них соседствуют

² А. П. Чехов. Энциклопедия / сост. и науч. ред. В. Б. Катаев. – М.: Просвещение, 2011. – С. 498-499.

с отрывками текстов нехудожественного происхождения (рекламными, нормативными документами), и оборотами речи из разговорной лексики. Стилевое многоязычие дополняет фантасмагоричная игра образами известных деятелей XIX и XX в. или литературных героев, нацеленная на их искажение и разрушение в общественном сознании. Тем не менее, в одном из своих интервью В. Сорокин признает значимый вклад известных писателей, в т. ч. Чехова, в историю русской и мировой литературы и возможно, что причиной «развенчания классики» у автора «Голубого сала» является попытка дистанцироваться от достижений классиков и таким образом, снизить градус давления, задаваемый высокими стандартами произведений русских классиков прошлых лет.

Во **второй части** делается попытка сравнения рецепций чеховского литературного наследия на примере рассказа «Дама с собачкой». Произведение Э. Дрейцера «Дама с собачкой: апокриф» представляет собой ремейк-стилизацию, содержащую элементы гротеска. Начинается оно как продолжение чеховского сюжета, имитирует чеховские образы вплоть до мелких деталей, но во второй части сюжета меняет последовательность событий «наоборот», и заканчивает действие там, где у Чехова оно начиналось – на набережной Ялты. Так же, как и произведения в предыдущей части главы, он содержит элементы постмодернистской игры, но не является таковым по своей сути. Вместе с другими авторами, взявшимися за «продолжение» чеховской знаменитой истории, он приходит к выводу о невозможности счастья Гурова и Анны – слишком много непосильных испытаний ожидает их впереди.

Постмодернистская игра с чеховским претекстом свойственна и Л. Улицкой – в рассказе «Большая дама с маленькой собачкой», используя приемы антитезы и портретирования, она выстраивает шуточный полемический диалог с классиком в стиле «толстый – тонкий», создавая антипод чеховской героини. Игра с аллюзиями свойственна в целом и другим произведениям Улицкой, в этом же рассказе она, с одной стороны, развлекает читателей легким шутовым пересказом чеховского сюжета, с другой – касается важных тем: смены гендерных ролей, произошедшей за столетие, «футлярной» жизни главной героини сюжета, духовного роста Веточки и беспардонности и психологического «вампиризма» Татьяны Сергеевны. Помимо калькирования чеховских образов, Л. Улицкая использует в создании рассказа «чеховские» же приемы пера: противопоставление «казалось – оказалось», юмор и иронию.

Придерживаясь главной линии чеховского сюжета о тайной, зародившейся неожиданно, «вопреки» любви, Л. Петрушевская в произведениях «С горы» и «Дама с собаками», содержащих аллюзивные связи с чеховским претекстом в названии и некоторыми сюжетными деталями, описывает ее печальную тенденцию:

познакомившаяся в доме отдыха молодая пара должна в слезах расстаться, обреченно мучаясь от невозможности быть вместе; бурная любовь дамы с собаками давно закончилась, умерев раньше, чем ее физическое тело. В. Токарева в повести «Антон, надень ботинки!» выносит свой вердикт сценарию о случайной любовной связи женатых людей – в ней нет ничего хорошего для главной героини, и чем скорее она забудет о ней, тем лучше. В отличие от прочих авторов, сознательно использующих прием интертекстуальности, реминисценции у Токаревой немногочисленны и могут быть даже не распознаны читательской аудиторией. В эссе-размышлении Т. Толстой, которая скрупулезно ищет в чеховском претексте скрытые «ключи» к «межстрочному», скрытому смыслу, гармонично сочетаются отрывки из классического произведения и размышления современной писательницы на тему о том, сколько может продержаться любовь Гурова и Анны. И хотя используемые приемы (расчленение классического текста на куски и их сюжетная переструктуризация, перемежение их со вставками авторского полемизирующего диалога с Чеховым) внешне похожи на постмодернистские, продиктованы они иными целями – интересом к творчеству Чехова и попыткой приблизиться к его более глубокому пониманию.

Более глубокий пласт заимствования наблюдается в произведениях С. Солоуха. Сочетание явных аллюзий – названий рассказов из сборника «Картинки» и скрытых – некоторых деталей повествования, например, наличие собаки и курорт как место основного действия, создают своеобразную картину интертекстуальной связи с известным классиком. Вместе с тем, на уровне стилистики, можно наблюдать черты, присущие перу Чехова: ясность изложения, наблюдательность и внимание к деталям, поэтизация картин природы – эти же стилеобразующие детали наблюдаются в произведениях Солоуха. Существует точка зрения об «ученичестве» данного писателя на уровне структурной и стилевой организации текста. И вместе с тем, у С. Солоуха наблюдается собственный, яркий, метафоричный стиль изложения.

Третья часть посвящена рассмотрению циклов В. Пьецуха, Ю. Буйды, С. Солоуха, посвященных Чехову. Цикл «Рассказы о любви» Ю. Буйды содержит скрытые отсылки к «Маленькой трилогии» Чехова. В чем-то Буйда полемизирует с классиком, в чем-то соглашается с ним. Наиболее ярко авторская полемика видна в рассказе «Химич» – главный герой предстает «футлярным» человеком, но уже со знаком «плюс», его «футлярность» объясняется тонкой душевной организацией деликатного и способного на глубокие чувства человека. Иван Голубеф из рассказа «Через «ФЭ» становится антиподом чеховскому Алехину – в отличие от второго, Голубеф пережил трагическое детство, но вырос человеком, ценящим себя и других и главное – сумевший дать своей любимой то

чувство заботы и защиты, которого была лишена Анна Луганович. В рассказе «Одноногая жизнь одноногого мужчины» Иван Соломенцев, несмотря на свой серьезный физический недостаток, поставил перед собой благородную цель, которой следует, не щадя жизни – и преображает этим поступком окружающий мир и людей вокруг себя. Такая жизнь, описанная в рассказе Юрия Буйды, намного лучше, чем жизнь обычного «счастливого» человека, который «днём ест, ночью спит, говорит свою чепуху, женится, старится, благодушно тащит на кладбище своих покойников» (А. П. Чехов «Крыжовник»). Таким образом, в завершающем трилогию рассказе точки зрения обоих авторов сходятся.

Циклы С. Солоуха и В. Пьецуха состоят из рассказов, полностью или частично копирующих названия чеховских произведений («Колдунья», «Дядя Сеня», «Крыжовник», «Человек в углу», «Наш человек в футляре» и т.д.) и содержащих цитаты, псевдоцитаты и аллюзии на произведения Чехова, но не повторяющих их сюжеты. Наоборот, сюжеты рассказов Солоуха и Пьецуха повествуют о других персонажах, существующих в современном им советском времени, но при этом обладающих теми же пороками, что и чеховские – ограниченностью, пресмыкательством, «футлярностью» и т.п. Подобное «осовременивание» затронутых Чеховым социальных и нравственных проблем, вкупе с легкой ироничностью авторов, имеет своей целью разрушение стереотипных представлений о чеховском наследии.

Тема футлярности была бы неполной без драмы неудачной социализации в рассказе Т. Толстой «Петерс». История о Петруше, который так же замкнут в самом себе, как чеховский Беликов, – «женский» ответ Чехову, увидевший проблемы воспитания, которые могут привести в ужасному, с точки зрения социализации и нормальной жизни, результату. Сюжет и описательный портрет героя совершенно иной, чем у Чехова, но наблюдаются внешние схожие черты, указывающие на явную аллюзивность, – тщательно закутанное горло и галоши, увлечение иностранным языком, а также маниакальная педантичность. Вневременной характер повествования призван показать проблему «футлярности» более широко – она не зависит от конкретных условий времени, страны и может принимать различные формы.

В **четвертой части** главы рассматриваются особенности постмодернистских «переделок»-пастишей на тему чеховской «Чайки» - «Чайка» Б. Акунина, «Цапля» В. Аксенова, «Курица» и «Чайка спела» Н. Коляды, «Ворона» Ю. Кувалдина. Суть перевоплощений символа чистоты и свободы в курицу и цаплю – поиск новых трактовок в период перестройки и одновременно жесткая критика советской системы общества, которая в то время была очень популярна. Наиболее известной стала вариация «Чайки» Б. Акунина, по поводу которой до сих пор нет единого мнения: часть критиков считает ее

пастишем и неудачной постмодернистской пародией на чеховскую пьесу (М. Давыдова, М. Адамович), другие (М. Костова-Панайотова) усматривают в ней попытки творческого переосмысления заштампованности чеховской «Чайки». Вместе с этим, акунинская версия позволила продемонстрировать тщательно проработанную структуру взаимоотношений персонажей в оригинальной версии сюжета, в очередной раз доказав гениальность этого литературного шедевра.

Еще одна рецепция чеховского образа в творчестве Акунина касается одного из спорных произведений классика – «Черного монаха». Позаимствованный образ и элементы сюжета в переделке Б. Акунина стали частью детективной трилогии, при этом сохранив главную идею о том, насколько опасными могут быть мечты о тщеславии, величии и возвышении себя.

В пятой части рассматривается тема несбывшихся надежд, «потерянного» поколения, получившая продолжение в произведениях Л. Улицкой «Русское варенье», Л. Петрушевской «Три девушки в голубом», Н. Искренко «Вишневый сад продан?», А. Слаповского «Мой вишневый садик», Л. Разумовской «Французские страсти на подмосковной даче».

Тема, поднятая Чеховым о судьбе России, ее будущем и поколении, которое наследует ее богатство и определяет ее дальнейшее будущее, была переосмыслена в перестроечные и пост-перестроечные годы как одна из самых сложных и болезненных проблем. В постмодернистской фрейдистской интерпретации Н. Искренко «Вишневый сад продан?» обыгрывается образ вишневого сада посредством описательных характеристик из чеховского претекста и иных значений слова «сад» из других источников (энциклопедический справочник, стихотворение Маяковского, миф о Деметре, библейские предания об Эдеме и Гефсиманском саде). В. Б. Катаев в статье «Вишневый сад» как элемент национальной мифологии³ указывает, что образ сада в XX веке стал восприниматься как яркий образ, национальный миф, которые воплощают в себе «наиболее фундаментальные черты национального мышления, социального поведения, исторических коллизий... он (вишневый сад) стал осознаваться как объяснение происходящего и предсказание на будущее России». Символ вишневого сада в пьесе Нины Искренко объединяется с образом всей России, с ее нелегкой противоречивой судьбой, взлеты и падения которой созвучны с эсхатологическим ожиданием конца чего-то прекрасного и светлого. В этом видится не попытка деконструкции классического текста, а поиск его нового прочтения и попытки расшифровать чеховский код.

³ Катаев В. Б. «Вишневый сад» как элемент национальной мифологии / Чеховиана. «Звук лопнувшей струны»: к 100-летию пьесы «Вишневый сад» / отв. ред. В. В. Гульченко. - М.: Наука, 2005. - 594 с. С. 9 -17.

Сюжет пьесы А. Слаповского «Мой вишневый садик» тоже является попыткой экстраполяции классического текста на современную реальность. Типажи героев Слаповского уже носят признаки нового времени, и вместе с тем часто обращаются к своему прошлому. В отличие от Чехова, который допускает возможность надежды на лучшее будущее, у Слаповского все замкнутое пространство чердака дома, на крыше которого выросло одно-единственное вишневое дерево, пронизано состоянием истерии, безнадежности и грусти. Героям не удастся спасти вишневое деревце, дом, на крыше которого он рос, оказывается разрушен, – и вместе с ними рушатся все надежды на счастливую будущую жизнь.

«Русское варенье» Л. Улицкой, театрализованный ремейк чеховского произведения, освещает давно не новую тему о вымирании русской интеллигенции («теперь таких не делают»). В отличие от чеховских Гаева и Раневской, к нынешним обитателям «дворянского гнезда» нет даже подобия жалости – настолько жалко и бездарно они проживают свою жизнь. Гротескные, нарочито гипертрофированные черты, высмеивающие черты потомков вырождающегося дворянского рода, придают постмодернистский лоск этой «узнаваемо чеховской»⁴ по характеру драматургического конфликта, набору персонажей и месту действия пьесе. Мечта о труде, озвученная в «Дяде Ване» и чеховскими тремя сестрами, спустя столетие так и осталась просто мечтой. «Три девушки в голубом» Л. Петрушевской уже давно потеряли свой аристократический вид – портреты современных «трех девушек» стали очень далеки от образованных и хорошо воспитанных чеховских сестер – их речь изобилует просторечными выражениями, поступки героинь Петрушевской под стать их манере речи и выдают далеко не лучшие черты характера: наглость, грубость, корысть, отсутствие уважения к другому человеку, отсутствие тактичности, доброжелательности, ума. Неужели такими стали «внучки» высококонравственных чеховских барышень? Ведь эти три женщины живут в том самом будущем, о котором когда-то мечтали чеховские сестры, – прекрасном и счастливом. В реальности мечты оказываются горькой насмешкой – действительность такова, что новые «сестры» в тяжелых условиях даже мечтать не могут, их жизнь беспросветна. Они работают, трудятся – но условия жизни у них ужасные. Браки всех трех девушек неудачны. В их словах и поступках даже нет протеста против повседневной действительности – только тоска и отчаяние. Даже оптимистичный конец с примирением девушек не способен переломить общую пессимистическую тенденцию – девушки по-прежнему продолжают жить в полуразрушенном доме с протекающей крышей; не решены

⁴ Буровцева Н. Ю. «Русское варенье» по рецепту доктора Чехова (диалог с классиком в пьесе Л. Улицкой) / Н. Ю. Буровцева // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – № 1–2. – С. 142–147.

конфликты Ирины с матерью, да и ее соседки явно не из миролюбивых и вполне может начаться новая «война за койки». Тема «измельчали люди» созвучна той, которая правит основной бал в «Русском варенье». Упадок, регрессия и пессимизм, преувеличение и выпячивание негативных сторон, уныние, отрицание всякого развития - вот такой «привет Чехову» через века от постмодернистов настоящего времени.

В **третьей главе** работы мы обращаемся к произведениям современных русских писателей (Д. Рубиной, В. Пелевина, Р. Сенчина, М. Шанина и др.), содержащих отдельные чеховские цитации и реминисценции. Произведения этих авторов относятся к разным направлениям (реализм, постреализм, постмодернизм), различается и сам характер их обращения к чеховскому наследию. Для Д. Рубиной - это усвоенный с подростковых лет стиль художественного изображения, для В. Пелевина – социальная проблематика общества, для остальных упоминаемых писателей – реалистичное изображение деревенской жизни и ее насущных проблем.

В **первой части** третьей главы нами сделана попытка типологического сравнения произведений В. Пелевина и Чехова в разрезе следующих категорий: отношение к роли человека в обществе и образ самого общества как системы, формирующей мировосприятие и характер отдельно взятого человека. Анализируя по выбранным признакам произведения «Жизнь насекомых», «Generation «П», «S.N.U.F.F.», «Любовь к трем цукербринам», «Лампа Мафусаила» и другие, мы убедились, что в выборе типажа героев, мотивов их поведения (плыть по течению, оставив все как есть, или сделать выбор в пользу духовной трансформации), отображении общества и его пороков, самом характере передачи этих наблюдений, Пелевин близок чеховской традиции. Изображая общество будущего или настоящего, В. Пелевин обнажает самые грубые и наиболее опасные его «структурные ошибки», подобно тому, как это делал А. П. Чехов. Он по-чеховски беспристрастно показывает российскую действительность без прикрас – грязную, с окурками, похмельем, во всей ее физической и моральной грязи. Иногда утрируя и выпячивая ее уродливые проявления, но показывает честно – человеческую природу и породившее ее общество такими, какие они есть. В наблюдательности, умении погрузиться так глубоко в народные архетипы, изучить сегодняшние национальные характеры, показать это с тонкой иронией, доступной для понимания любому - есть что-то неувовимо-чеховское. Даже излишнее преувеличение не разрывает этой писательской преемственности – вспомним, что Чехову был тоже свойственен этот прием, хотя он использовал его совсем в другой дозировке. Социальная проблематика, волнующая обоих писателей, является одной из самых заметных черт, их сближающих и – взяточничество и лицемерие бюрократического общества, скудная духовная жизнь рядовых обывателей

отражена в произведениях и Пелевина, и Чехова, одинаково едко высмеяна и изобличена. Вместе с тем у обоих писателей есть небольшая, порой призрачная надежда на «духовное пробуждение» героев, которым дается шанс стать лучше и преобразить свое жизненное пространство.

Каждое свое произведение Пелевин подает читателю с изрядной долей юмора, «разряжая» обстановку и заставляя улыбаться над удачно обыгранными фразами, абсурдизмами и другими проявлениями юмора. При этом нельзя сказать, что произведения Пелевина напоминают ранние юмористические рассказы Чехова, хотя тонкий юмор и легкая ирония, присутствующая практически во всех произведениях обоих писателей, является визитной карточкой обоих коллег по перу.

Конечно, из всего сказанного не следует, что только по этим признакам можно в Пелевине видеть продолжателя чеховской традиции. У Пелевина есть свой собственный стиль, довольно яркий и не имеющий прямых аналогов, выработанный и отточенный самостоятельно – как, впрочем, и у Чехова. В этом их похожесть и одновременно непохожесть друг на друга, их приверженность одинаковым и абсолютно разным литературным принципам. Одно можно сказать точно – каждый из них по-своему уникален и каждый был «открытием» для своего времени.

Вторую часть мы посвятили характеристике творчества Д. Рубиной – именно про эту современную писательницу можно сказать, что она является «ученицей Чехова из XX века». По ее собственным признаниям, Чехов не только является ее любимым писателем, она с подросткового возраста училась стилю по его произведениям и письмам – «Это главное событие в моей жизни писательской»⁵. С юности находясь под сильным влиянием чеховского творчества, Рубина многое переняла из стиля мэтра. Стиль ее произведений весьма близок чеховскому: та же лаконичность изложения, неожиданные концовки, сложный тонкий юмор, завуалированное «я» писателя, жанр короткого рассказа. Дина Рубина пишет удивительно легко и самобытно, показывая на страницах своих книг непростые жизненные ситуации обычных людей – переживших войну, советское время, перестройку. Каждый ее персонаж – это отдельная книга, со своим колоритом, со своей неисчерпаемой историей. Сквозь переплетения описываемых ею событий видна выверенная чеховская манера повествования, но художественный облик своих произведений слепила она сама, Чехов был только одним из учителей.

Рассказывая о себе, своем творческом пути, Дина Рубина порой вставляет чеховские фразы, которые помнит наизусть и которые практически воспринимаются ею

⁵ Дина Рубина: «Милосердие и горечь — две самые важные краски в литературе» / <http://www.profile.ru/kultura/item/81745-v-poiskakh-svoego-geroya>

как собственные. Точно так же органично и довольно часто на страницах ее произведений есть «включения» Чехова: цитаты, упоминания о героях, письмах, событиях. Герои Рубиной цитируют, органично вплетая в свой рассказ цитаты известного классика. И только в одном из произведений - «Область слепящего света» - повторяются детали сюжета «Дамы с собачкой». В этом небольшом ремейке Рубина вторит своему любимому писателю, воссоздавая сцену внезапно вспыхнувшего чувства двух среднестатистических, с поправкой на современность, героев – и тут же молниеносно заканчивает ее метафоричной и знаково-созвучной чеховскому герою фразой про область слепящего света, где навеки исчезает и в тоже время навсегда остается живой образ двух влюбленных.

В **третьей части** предметом научного рассмотрения стали чеховские мотивы в описании русского села В. Распутина, В. Астафьева, Р. Сенчина, М. Шанина. Общим для Чехова и современных писателей является объект изображения, жизнь деревенских обывателей и стиль – реалистичный взгляд на происходящие события, лишенный их идеализации. В этом отношении произведения Распутина и Астафьева можно считать продолжением чеховской традиции наблюдательности и правдивого изображения деревенской жизни. Как и в свое время Чехов, этим авторам пришлось изменить сложившейся традиции, переступив границы дозволенного, критически показав действительность, которую они наблюдали в обычной жизни.

Наиболее «близким» к произведению Чехова «Мужики» является роман «Елтышевы» Р. Сенчина – несмотря на разницу в описываемых реалиях, иного типа персонажах, объеме произведения, в нем можно увидеть множество связывающих с «Мужиками» сюжетных деталей. М. Шанин в описании «левоплосковских» сочетает ироничный стиль, скрытость авторской позиции, стиль коротких рассказов.

Общим признаком, сближающим с «мужицкими» рассказами Чехова, становятся тема русской деревни, о которой пишут, основываясь на собственном опыте и наблюдениях, – у всех авторов был подобный опыт, что дает им возможность показывать события, очевидцами которых они сами были. Реалистичность изображения, отсутствие романтизированной и приукрашенной, интерес к описанию жизни простых, обычных людей - эти характеристики объединяют всех перечисленных авторов и дают увидеть приверженность тому стилю реалистичного изображения порой пугающей и отталкивающей действительности, которую, не боясь скандального обсуждения и общественного порицания, начал А. П. Чехов.

В **заключении** подводятся итоги работы, формулируются основные выводы.

В современном литературном пространстве А. П. Чехов занимает видное место – он известен и востребован современной читающей и пишущей аудиторией. Современные авторы, следуя литературной моде, включают в свои произведения фрагменты, сюжеты, образы героев из произведений известных писателей, чаще всего всемирно признанных классиков, довольно часто при этом переиначивая сам сюжет и перекраивая первоначальную мысль классического произведения. Как показал сравнительный анализ произведений, в которых современные писатели (Б. Акунин, Э. Дрейцер, Л. Петрушевская, В. Сорокин, Л. Улицкая и др.) обращаются к чеховскому наследию, большинство заимствований осуществляется с целью творческого эксперимента, вплоть до полной деконструкции первоначального замысла чеховского текста, доходящей порой до абсурда (Б. Акунин, Л. Петрушевская, Л. Улицкая, В. Сорокин и др.).

Однако существуют авторы, которые увлечены не только возможностью использовать элементы чеховского наследия для придания внешнего сходства своим и его текстам, но и желанием глубоко прочувствовать творчество классика, отразить его идеи. К таким авторам мы относим Ю. Буйду, Д. Рубину, В. Солоуха. В их произведениях мы наблюдаем признаки преемственности некоторых элементов авторского чеховского стиля.

В произведениях В. Пелевина мы выявили некоторые типологические параллели с творчеством Чехова (остросоциальная направленность произведений, усредненный типаж описываемых персонажей, одинаковый взгляд на понимание таких категорий, как истина и правда, гуманистическая вера в возможность духовной трансформации героя, в целом, немного похожий ироничный стиль повествования). Прослеживается определенная связь между произведениями Чехова, посвященными русской деревне, и творчеством В. Астафьева, В. Распутина, Р. Сенчина и М. Шанина.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Статьи, опубликованные в журналах, рекомендованных ВАК:

1. Чжан Ш. Вишневые косточки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: изд. «Грамота», 2016, № 10 (64), Часть 2. С. 56 – 58.
2. Чжан Ш. Пелевин vs Чехов: невидимые связи через десятилетия // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. Москва, ИНОИЦ «АЛМАВЕСТ», 2017, № 4. С. 81 – 88.

3. Чжан Ш. Рецепции А. П. Чехова в русской «женской прозе» конца XX - начала XXI вв. // Научный диалог. Екатеринбург , ООО «Центр научных и образовательных проектов», 2017, № 12. С. 274 – 285.
4. Чжан Ш. Стая постмодернистских чаек: современное прочтение Чехова // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Омск, ЧУОО ВО «Омская гуманитарная академия», 2017, № 1 (27). С. 26 – 30.